

Светлана Алешина

Крошка-месь

Часть сборника
Крошка-месь (сборник)

Светлана Алешина

Крошка-месь

Серия «Александра»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6001838

Алешина С. В. Крошка-месь. Мир мечтаний: Повести.: Эксмо-Пресс;

Москва; 2001

ISBN 5-04-006749-2

Аннотация

В первый момент история дамы со смешной фамилией Дында показалась частному детективу Александре Данич забавной и любопытной, но не более того. Речь шла всего лишь о том, чтобы установить личность типа, который с поразительной настойчивостью преследовал Тамару Николаевну. Однако странные убийства ее знакомых заставляют Сашу по-иному взглянуть на это дело: кровавая цепочка может дотянуться и до самой Дынды. Но чем глубже «копает» Александра, тем больше убеждается, что во всей этой заварухе есть нечто, тщательно скрываемое самой клиенткой...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Светлана Алешина

Крошка-месь

Глава 1

Ну что за гадость, поморщилась я. Если я плачу за проезд в чертовом автобусе целых четыре рубля, можно хотя бы пожалеть мои несчастные уши?

Какая-то девица пронзительным голосом вопрошала у пассажиров автобуса, куда пропал ее Леха. То есть это она по радио вопрошала, но водитель любезно давал ей возможность оповестить о своем горе всех в салоне.

Интересно, почему у нас дозволено вот так навязывать свой вкус? Надо будет тоже купить себе автобус и гонять по городу, врубив на полную мощность «Рамштайн»... А кто не любит такую музыку, пусть дожидается этого хмыря с его Лехой.

Слава богу, моя остановка...

Может быть, я становлюсь брюзжащей старушонкой? А с виду еще ничего, выгляжу молодо! Впрочем, я и раньше не любила ширпотребную музыку.

Я шла по проспекту, на улице было тепло, солнечно, я уже почти забыла свои мелкие невзгоды, потому что...

Потому что я купила у тетки маленький букетик фиалок.

Потому что из киоска аудиокассет я услышала такую очаровательную музыку, что рванулась туда, на зов моей тайной любви.

Рокабилли!

Я напоминала самой себе человека, которого вытащили из-под завалов и сунули кислородную подушку. Стояла, как дура, прижимая к груди фиалки, и, закрыв глаза, слушала...

Нет, я не только слушала! Я не удержалась и начала тихонько подпевать.

Из окошка выглянул дяденька в очках и уставился на меня с симпатией.

– Ой, извините, – пробормотала я, испытывая ужасную неловкость.

– Да за что? – удивился дяденька. – Так приятно... Молоденькая девушка, знающая хорошую музыку. Это сейчас редкость. Стойте тут хоть целый день и напевайте.

Я бы купила эту кассету, но, как назло, у меня в кармане лежал один-единственный непригодный бакс. Как-то в лом мне было его обменивать, вот он и сохранился у меня великим чудом.

Я повертела его в руках и с грустью сказала:

– А вы не продадите мне эту кассету за доллар? Понимаете, у меня больше нет...

Он рассмеялся.

– Возьмите в долг, если хотите.

Он уже протягивал мне кассету.

Я в свою очередь упорно впихивала ему свой залежалый бакс, и в конце концов мне удалось всучить ему это безобразие.

– Ладно, вечером все-таки забегите за сдачей, – попросил он меня.

– Забегу, – пообещала я.

Тем более что вечером мне должны были выдать деньги, а это значило...

Я вздохнула.

Это значило, что легкомысленная Саша вознамерилась оставить их почти все в этом киоске. Слишком много тут было хороших сборничков.

Осчастливленная кассетой, правильно воспринятой мной как дар судьбы, я сама не заметила, как прошла весь путь до нашей «конторы».

* * *

Ах, да. Мы теперь сняли помещение. Теперь у нас все как у людей. Плюс к этому три детектива вместо двух. Третья у нас Лиза.

Стало веселее и проще. Теперь клиент не рискует, войдя, уткнуться в разобранную кровать или застать детективов за изучением содержимого холодильника. Правда, мне почему-то больше нравилось в Ларчиковой квартире.

Еще у нас два ценных приобретения. Одно – полусонная

и ворчливая уборщица Таисья Владимировна. Раньше она, по ее собственному выражению, «служила в опере». Поэтому мы прозвали ее «призраком оперы». Передвигается она и в самом деле, как призрак. Неслышно. Мы даже обдумывали всерьез возможность использовать ее в слежке. Но «призрак оперы» имеет крайне дурную привычку иногда выдавать себя звучным вздохом: «Ой, боженьки ж мои!» Лиза из-за этого приклеила к ней еще кличку «язычница», поскольку вследствие этих непонятных «боженек» твердо уверилась в том, что Таисья Владимировна исповедует многобожие. Но является ли она последовательницей Перуна и Дажьбога или поминает греческий пантеон богов, нам выяснить не удалось. Таисья Владимировна свои религиозные верования с нами обсуждать не собирается.

Второе приобретение – наша секретарша. Юное создание, больше всего на свете озабоченное двумя великими ценностями – фигурой и состоянием ногтей. Сейчас она пребывает в унынии – обнаружив у себя два лишних грамма, она срочно села на ужасную диету, состоящую из потребления геркулесовой каши три раза в день, и так в течение десяти дней! Представьте ее грустное настроение...

Вот такие изменения произошли в нашей жизни...

* * *

Часы показывали уже половину одиннадцатого, а нашей

счастливой пары не было видно.

Вот так, Саша! Помнится, в те времена, когда офис находился в холостяцкой квартире Ларчика, опаздывала исключительно ты. А теперь...

Я развела руками. Личное счастье всегда мешает работе. Правда, в данный момент моей работе мешал компьютер, а его вряд ли можно отнести к «счастью».

Не ожидая от него такой крупной гадости, я преспокойно врубил его и стала разыскивать сведения по делу Крашинского, которому нужно было представить отчет. Дело было скучное, оно мне сразу надоело, и заниматься составлением отчета мне совершенно не хотелось – я бы охотно свалила это на Дашку, нашу секретаршу, если бы не ее почти первобытный страх перед чудовищем-компьютером. Когда мы принимали ее на работу, она умело маскировала этот животный ужас, делая вид, что разбирается в ПК не хуже, чем в собственных отшлифованных ноготках. Но стоило нам к ней привыкнуть, как девица начала падать в обморок при одном только упоминании о том, что ей надо воспользоваться «адской машиной». Сначала мы пытались бороться с этой патологией, но Дашка так упрямо сопротивлялась своему профессиональному росту, будто была тайной последовательницей некой загадочной секты борцов с прогрессом, и мы от нее отстали.

Но я отвлеклась.

Итак, я включила комп, и тут он ни с того ни с сего ко-

кетливо мигнул и вырубился. То есть вырубился монитор. Я, естественно, не поверила в страшное и решила немного подождать.

На пороге в это время появилась Дашка и, умилительно сжав губки, посмотрела на меня с таким выражением, что я поняла – девочке надо смыться на часок.

– Иди, – махнула я рукой.

Она радостно пискнула, как птичка, вырвавшаяся из клетки, и сказала:

– Спасибо, Сашенька!

С этими словами она с реактивной скоростью испарилась.

Мне тоже было нечего делать – по крайней мере, пока не явятся Лариков и Лиза.

Черт! Я посмотрела на часы. Лиза и Лариков не торопились появляться, а в три должен был заявиться зануда Крашинский!

В конце концов, монитор мог вырубиться оттого, что Таисья Владимировна задела какой-нибудь шнур, вымывая пол.

Я полезла под стол.

Вот в этот момент она и появилась на пороге моей комнаты. Как позднее выяснилось, у этой дамы была такая отличительная особенность – всегда появляться некстати.

Но в тот момент я еще не знала, какой подарок судьбы меня ожидает, и не отреагировала на хлопнувшую дверь, решив, что это Дашка вернулась за чем-то или заявила Таисья Владимировна, поскольку ее внезапно одолела потреб-

ность сделать у нас генеральную уборку.

– Простите, – раздался голос дамы, этакое звучное контральто, – вы не подскажете, как мне найти детектива Данича?

* * *

Вот тебе и новости! Кажется, меня ищут, но почему-то в мужском образе!

– Он сейчас появится, – сообщила я.

Ага, так и есть! Наша «язычница» действительно плюхнула тряпкой по проводам, сейчас я быстренько восстановлю гармонию, и все будет тип-топ!

Я подключила монитор и выползла наружу.

Вид у меня, кажется, был совсем не представительным.

Дама, стоящая напротив, выглядела куда более «комильфо». Единственное, что мешало ей полностью соответствовать идеалу женственности, так это чересчур крупные габариты. Некоторое несоответствие тонкой талии и объемной груди.

– Присаживайтесь, – кивнула я на стул.

Она пробормотала «спасибо» и опустила свое роскошное тело на стульчик. Как на трон.

– А... Данич скоро будет? – поинтересовалась она.

– Данич? Ну, в некотором роде она находится перед вами.

Она вытаращилась на меня в крайнем изумлении и хихик-

нула.

– Я думала... Понимаете, ваша девушка, которая, впус­тив меня, исчезла, сообщила, что на месте сейчас только детек­тив Данич, вот я и решила, что раз детектив, то мужчина.

– Ничего, – легко простила я ее. – Я не являюсь последо­вательной феминисткой. Во мне нет патологической ненави­сти к мужчинам. Я считаю, что мужчины, как и все другие создания божии, включая комаров и тараканов, тоже имеют право на существование.

Она, кажется, отнеслась ко мне серьезнее, чем я того за­служивала. Мои простран­ные речи восприняла с некото­рой опаской, а уж мой магнитофон, извергающий «Хиппи шейк», пугал ее больше ночных бандитов.

– Сейчас я сделаю потише, – сказала я.

Выполнив обещанное, я снова уселась перед ней с серьез­ным видом.

– Ну, вот. Так можно разговари­вать, не напрягая голосо­вые связки. Меня зовут Александра Сергеевна Данич, и, как верно заметила наша секретарша Даша, я детектив.

Она неуверенно поерзала на нашем хрупком стульчике и сообщила:

– Я Дында.

После этого многозначительного вступления она замол­чала, ожидая моей реакции, но я совершенно не знала, как воспринять ее странное признание.

Хоть убейте, я не имела представления о том, что ж это та-

кое – «дында». Гордится ли она тем, что она – эта неведомая «дында», или, напротив, это заставляет ее стыдиться и страдать? Поэтому я кашлянула и продолжала молчать, ожидая продолжения. Мне даже стало интересно, что такое «дында», ведь вполне могло оказаться, что это какая-то таинственная секта типа «новоязычников» или «вольных каменщиков».

Она еще какое-то время «держала паузу», а потом повторила с мягким, но требовательным нажимом:

– Я Дын-да...

– Я вас поняла, – кивнула я. – Продолжайте.

– Меня зовут Тамара Николаевна, – удивленно сказала она. – Тамара Дында. Вы обо мне не слышали?

Я пожала плечами.

Судя по контральто, она могла быть оперной певицей. Да и бюст у нее вроде подходящий... Но оперу я не люблю. Поэтому я призналась, что ничего о ней, увы, не слышала.

– Последний раз я была в театре так давно, – вздохнула я.

– Господи, при чем тут театр? – выдохнула она. – Я сама была там последний раз год назад, когда находилась в Италии.

Честное слово, у меня скоро из-за моих клиентов разовьется комплекс неполноценности! Надо же, какая-то Дында уже съездила в Италию, а я торчу в Тарасове безвылазно, как невыездная диссидентка, и никаких перспектив посетить Старый Свет у меня в ближайшем будущем нет!

– Я жена Дынды, – с нажимом сказала она. – Того самого.

Господи, зачем ты послал эту сумасшедшую именно в тот момент, когда я не могу свалить ее на Ларикова? Что она пристала ко мне с этими своими Дындами?

– Какого самого? – спросила я, рискуя окончательно потерять уважение этой странной дамы.

– Год назад моего мужа убили. Дынду Василия Никитича. Предпринимателя... Вы ничего об этом не слышали?

Пришлось признаться, что год назад я еще была далека от проблемы убийств бедолаг-предпринимателей. Поэтому о Дынде я ничего не слышала. А если и слышала, то пропустила мимо ушей.

– Ах, ну конечно... Вы такая юная еще. Совсем ребенок... Так вот, моего мужа убили, убийство, конечно, было заказным. Но дело не в этом. Дело в этом человеке...

Порывшись в сумочке, она достала фотографию и положила ее передо мной.

Я, все еще не понимая, что от меня хочет эта загадочная женщина, покорно уставилась на изображение мужчины в светлом плаще. Мужчина был с виду симпатичный, правда, я не могла сказать это наверняка, поскольку было очень смазано лицо. Плохая была фотография.

Повертев ее в руках, я попыталась вернуть мужчину законной владелице, но она с ужасом отмахнулась от него.

– Нет, оставьте это себе. Мне жаль, что лучшего снимка у меня нет, поскольку я бы хотела, чтобы вы узнали, кто он. И что ему от меня нужно!

Я уставилась на фотографию.

– Подождите, вы хотите, чтобы я выяснила, кто он? – переспросила я.

Она закивала.

– Сейчас я вам расскажу все подробнее, – обрадовала она меня. – После смерти моего мужа у меня остался бизнес... Маленький, но на жизнь хватает.

«Если он позволяет тебе кататься по Италиям, то, надо думать, хватает, – подумала я. – Вот мой бизнес мне ни фига подобного пока что-то не позволяет!»

– Так вот, я не знаю, может быть, это связано именно с убийством моего мужа? Этот мужчина... Он меня буквально преследует. Он стоит под моим окном, он идет за мной к машине, он... Он сводит меня с ума! Я боюсь, Александра Сергеевна! Я никогда и никого так не боялась, как его!

– Ну, я бы не стала бояться, – легкомысленно заявила я. – Вполне приличного вида дяденька... В возрасте. Не киллер какой-нибудь. Не гoblin.

– Вот! – прошептала она. – Видите, вы сами все понимаете! Если бы за мной так настойчиво ходили эти ваши гoblinы, я хотя бы поняла, чего они хотят. А он? Чего хочет от меня этот человек?

– Может быть, он в вас просто-напросто влюбился? А ска-

зять не решается?

– Понимаете, Александра Сергеевна, он... Однажды я не выдержала. Остановилась и, обернувшись, прямо спросила его, чего он от меня хочет. Он сказал. Но сказал не по-нашему. На каком-то совершенно непонятном языке. Одно я знаю наверняка – это было что-то очень неприятное. Потому что взгляд у него был... недобрый. Нет, он не злой был. Просто именно – недобрый. Так вот, он сказал мне эту непонятную фразу... К сожалению, я ее не запомнила. Я слишком испугалась в тот момент. Потом повернулся и спокойно пошел прочь. А наутро снова там оказался. Я боюсь, Александра Сергеевна! В конце концов, у меня ведь сын, мне страшно за него! А если это маньяк?

Она наклонилась ко мне и быстро зашептала:

– Маньяки – они ведь, говорят, именно такие и бывают. С виду интеллигенты. Пожалуйста, не могли бы вы мне помочь? Я вам заплачу. Я знаю, ваше агентство считается лучшим в городе, и вы берете дорого, но меня это не волнует!

– Послушайте, Тамара Николаевна, а почему вам не обратиться в милицию? – спросила я.

– Да помилуйте, что я скажу? – всплеснула она руками. – Меня там на смех поднимут! Нет, в моей ситуации лучше частный сыск.

В тот момент история Тамары Дынды показалась мне забавной, странной, любопытной – но не более того.

Знай я, с какими страстями и трагедиями придется мне

столкнуться, согласилась бы?

Не знаю. Может быть, нет. Но так уж получилось, что мне эта история показалась действительно простой, и я – согласилась.

* * *

– Послушай, я же не говорил тебе, что...

Он внезапно запнулся.

Римма посмотрела на него, ожидая продолжения. Впрочем, она и так знала, что он скажет.

Можно было это не слушать. «Я не говорил тебе, что все будет хорошо. Я не говорил тебе, что мы вечно будем вместе. Я не говорил тебе, что ты сможешь стать звездой экрана!»

Сейчас он смотрел в проем двери, и вид у него был какой-то ошпаренный. Ну, словно ему вдруг явилась Мойра. Дух смерти. Или фантом. Глаза вытаращены, а губы что-то пыхтят – то сложатся в трубочку, то, наоборот, раздвинутся в дикой улыбке.

– Что с тобой? – поинтересовалась она.

Он не ответил. Ну и рожа у него сейчас, подумала Римма, и почему-то ей стало весело. Словно тот факт, что у ее любовника такое вульгарное красное лицо, с песочным пятном поближе к виску, был таким уж радостным. Ах, Римма, тебе явно не хватает эстетического вкуса!

Интересно, что его так ужаснуло?

Она обернулась, надеясь увидеть по меньшей мере гангстеров с автоматами наперевес. Тогда ужас был бы объясним.

Но в дверях кафе стоял вполне интеллигентный мужчина лет около пятидесяти, и вид у него был вовсе не страшный, а совсем наоборот. Римме он показался куда более симпатичным, чем Прохоров с его ужасным родимым пятном. Впрочем, наверное, в нашей стране люди интеллигентного вида становятся такой же редкостью, как птеродактили, и способны напугать, подумала Римма.

Иначе никак не поймешь реакцию Прохорова.

Они встретились в этом кафе, дабы обсудить будущее, которого, как выяснилось, у Риммы не было и быть не могло, поскольку кинорежиссер Прохоров решил, что и лучше Риммочки женщины бывают, а в частности какая-то вульгарная гризетка из школы фотомоделей. Черт, и зачем она пять лет торчала в ГИТИСе? Надо было обучаться актерскому искусству где-нибудь на Тверской-Ямской!

Она пожала плечами.

– Прохоров, – обратилась она к виновнику ее незадавшейся судьбы. – Говори все, что ты хотел сказать, и давай прощаться. Время на тебя мне терять уже надоело. Чего ты хотел-то?

– А?

Он повернулся к сидящей на пластиковом стуле Римме с таким искренним изумлением, что ей показалось, будто ее присутствие здесь он расценивает как самое великое чудо.

– Прохоров, – начиная терять терпение, сказала Римма, – не делай вид, что меня тут быть не должно! Говори, зачем ты позвал меня в эту забегаловку, и давай по домам! Я прекрасно поняла, что у меня нет таланта в отличие от Люси Морозкиной и ты не можешь приказать своему давно засохшему сердцу меня любить! Я правильно выразила твои подлые мысли?

– Римма, зачем так?

Он сказал это тихо, как бы с укоризной.

Римме стало еще веселее.

– Ладно, Прохоров, давай прощаться. Целоваться с тобой я не буду – я и так слишком напряглась за предыдущий год, изображая сумасшедшую страсть к тебе! Пока!

Она поднялась со стула и пошла к выходу.

Мужчины в светлом плаще уже не было.

Она огляделась вокруг и недоуменно пожала плечами.

Странно все-таки, как будто этот мужчина и впрямь был призраком прохоровского прошлого! А уж в том, что у Прохорова прошлое было темным, Римма теперь не сомневалась!

Глава 2

В отличие от нашего «ценного приобретения» Даши, которая любила появиться утром и тут же исчезнуть, второе «ценное приобретение» любило появляться, когда ей «боженьки» на душу положат. И, появившись, она не спешила исчезнуть, делая вид, что грязи после ее предыдущего визита к намросло столько, что «боженьки ж мои»!

Сейчас Таисья Владимировна мужественно сражалась с маленькой пылинкой, невесть как сохранившейся после ее последнего марш-броска. Так как Таисья Владимировна была особой далеко не молчаливой, все мои потуги сосредоточиться на Крашинском были жалки и ни к чему не приводили.

В глубокой тоске я поглядывала на часы, которые показывали уже половину двенадцатого, потом на дверь, в тщетной надежде увидеть моего босса, но увы!

– Так Маринке-то чего! – рассказывала Таисья Владимировна, остервенело вытирая тряпкой стеллаж. – Маринка на своих яйцах триста в сутки может получить!

Перед моими глазами тут же всплыл образ неизвестной мне счастливицы Маринки, восседающей на корзинке подобием курицы.

– А я тут у вас...

Таисья Владимировна махнула горестно тряпкой, и часть

пыли немедленно осела на моем лице. То есть мне так показалось. Вера в предлагаемые обстоятельства во мне всегда была сильна, и я немедленно чихнула.

Та-ак... Крашинский.

Я снова попыталась сосредоточиться на несчастном бизнесмене, у которого воровали деньги его сотрудники, вернее – сотрудница, а еще вернее – его любовница, и подумала, что надо бы посоветовать ему взять в любовницы Маринку, имеющую по триста в сутки, сидя себе безмятежно, как курица, на яйцах.

– Саш, да ты меня не слушаешь! – обиженно вскрикнула Таисья Владимировна.

– Слушаю, – попыталась уверить ее я.

– Нет, ты уткнулась в этот свой монитор и не слушаешь!

– Господи, да мне работать надо! – вскипела я. – Я стараюсь, как Юлий Цезарь, и вас слушать, и работу делать, только и всего...

– Работай, работай, – немедленно оскорбилась Таисья Владимировна и засопела в гордом молчании. Правда, мужества продолжать играть в молчанку ей надолго не хватило, и она через пятнадцать минут снова открыла рот: – Вот ты тут сидишь, засыхаешь на своей работе, а Лиза с Андреем Петровичем с утра звонили, что не придут!

– Как это? – вскинулась я.

Ничего себе! Попробовала бы я не прийти!

– Тебе Даша ничего не сказала?

Я помотала головой.

– Вот глупая девчонка! Вечно у нее ветер в голове. Не придут они. Уехали куда-то в Покровск, по Лизиному делу.

Ага! Значит, Лизины дела мы решаем вместе, а Саша пусть тут мучается с Крашинским и «призраками» этой Дынды в одиночестве?

Теперь я уж вовсе не могла сосредоточиться на Крашинском!

Нажав на «выход», я выключила компьютер и стала собираться.

– А ты куда? – поинтересовалась Таисья Владимировна.

– Пойду выпью кофе, – ответила я. – Вы тут будете еще час?

– Конечно, – с готовностью кивнула Таисья Владимировна. – И правильно ты придумала... Иди, погуляй. А то с этой работой у тебя цвет лица зеленым стал... Весна на улице.

Не знаю уж, какая была связь весны с моим «зеленым» лицом, но я так расстроилась, что не стала задумываться над этим.

Я вышла на улицу и остановилась, соображая, куда же мне пройти, чтобы хоть немного привести в порядок свои эмоции.

С появлением в лариковской жизни Лизы моя жизнь круто изменилась. Хотя Пенс говорит, что это – ревность, но с какой стати?

Просто эта Лиза привыкла ощущать себя королевой, вот и

делается все возможное, чтобы остальные чувствовали себя всего лишь ее свитой!

* * *

Рука была бледная, с длинными ногтями, а Каллистратов все пытался закричать, только голоса у него не было. Поэтому он бессмысленно таращился на эту руку и разевал рот, как рыба, пытаясь выдавить из себя хоть капельку крика.

Рука тянулась к каллистратовскому горлу, и никаких сомнений по поводу того, что она намеревается сделать, у Каллистратова не было.

Задушить. Чертова рука хочет его задушить. Сейчас она подберется поближе к каллистратовской шее, которая теперь казалась Каллистратову ужасно тоненькой, как веточка ивы, и тогда...

Тогда эти ужасные длинные ногти вопьются в шею, как клыки вампира. Эти пальцы разорвут артерию, и оттуда хлынет кровь. Фонтан крови. Черт, в очередной раз помянул Каллистратов несомненного владельца этих ногтей-когтей, да ведь заорать бы надо!

Рука уже дотронулась до шеи. Прикосновение получилось нежным, и Каллистратов успокоился. Если прикосновение смерти такое ласковое, так и ладно, почему-то подумал Каллистратов и проснулся.

Рука с длинными изящными ногтями, выкрашенными по

последней моде темным лаком, мирно покоилась на его шее.

– Ты кричал, – услышал Каллистратов голос Дины.

– Спасибо, что разбудила, – выдохнул Каллистратов. –

Опять снятся кошмары.

– Сходи к Наталье, – посоветовала Дина. – Если тебя мучают ночные кошмары, значит, что-то в твоём прошлом не так. Надо решить эту проблему, Владик. Иначе...

Она не договорила. Он рывком поднялся на кровати. Одежда сползло с плеч, обнажая его торс. Самый красивый торс города Тарасова...

Он самодовольно погладил ладонью четко вылепленные мускулы и зевнул.

– Сколько времени?

– Половина первого, – сообщила Дина.

– О боже! Я снова перебрал со сном! – застонал он. – Лишний сон – лишние килограммы!

– Я все не могу привыкнуть, что ты живешь по женской программе, – фыркнула Дина.

Ее хорошенькое личико с раскосыми глазами и маленьким аккуратным носиком почему-то раздражало Каллистратова в последнее время. Маленькая буряточка перестала привлекать его своими восточными загадками.

Может быть, дело в белокурой Нине из миманса?

Да, именно в этой маленькой девчужке и была причина охлаждения Каллистратова к теперешней подружке.

И даже не в самой Ниночке с ее вздернутым носиком,

большими голубыми глазами, а в выражении этих глаз.

Ниночка смотрела на него с обожанием, а обожание Каллистратов ценил.

Собственно, он был создан господом специально, чтобы женщинам было кого обожать.

Он встал, накинул на плечи белоснежный халат и потянулся. Оставалось размять мышцы, выпить стакан апельсинового сока, небольшую чашку кофе, и пора отправляться на студию. День расписан по минутам – студия, репетиции, спектакль...

Телефон.

– Дина, подними трубку, – бросил он, проходя в комнату, оборудованную под тренажерный зал.

– Тебя, – протянула она телефонную трубку.

Не прекращая вращать педали на велотренажере, он поймал трубку из ее руки и проговорил:

– Алло.

– Влад?

– А-а. Привет.

Могла бы позвонить раньше, недовольно подумал он. Разбудила бы, по крайней мере!

– Влад, сегодня все отменяется.

– Почему? – удивился он. Он не любил, когда срываются съемки.

– У меня неприятности. Пока я не разберусь с проблемой, работать не будем. Потом объясню.

В своем репертуаре, усмехнулся он, когда она повесила трубку. Потом она просто забудет все объяснить!

И что у нее могут быть за проблемы?

Вздыхнув, он протянул трубку Дине. Та взяла ее. «Как покорная собачка кость», – усмехнулся он про себя. Все раздражало его в Дине.

Ах, если бы она куда-нибудь исчезла!

Он не знал, что творилось с ним в последнее время. Сейчас мысль о возможности Дининого исчезновения отчего-то показалась ему страшной, холодной, как рука во сне, которая душила его.

Он обернулся, пытаясь прогнать наваждение. Сейчас он больше всего на свете хотел бы увидеть ее лицо. Чтобы страх прошел.

Но Дины в комнате уже не было. Она умела двигаться бесшумно, словно кошка.

* * *

Ох, эта Лиза!

Она не желала дать мне ни минуты покоя. Я уже битый час торчала в этом маленьком кафе с крошечными букетиками искусственных фиалок на столиках и пыталась успокоиться. Ничего у меня не получалось, наоборот!

Я и сама понимала, что веду себя как маленькое неразумное дитя, но ревность есть ревность. Обидно чувствовать се-

бя ненужной! А я сейчас именно таковой себя и ощущала. С тех пор как в жизни Ларчика появилась Лиза, он стал ко мне не то чтобы холоден, нет! Просто всю самую сложную и самую интересную работу теперь выполняла Лиза, а я...

Я, как в случае с Крашинским, занималась рутинной, и мне уже давно пора было обидеться, потому как теперь меня стали почитать за «малое дитя», а Лизу – за умного и решительного работника.

Доля истины в этом была. Лиза и правда умела то, что я не умела. Но ведь и она не знает, например, французского языка? Хотя, если разобраться, зачем детективу знание французского? И к тому же они собираются пожениться, а мужья всегда проталкивают жен вверх по служебной лестнице! Хорошо еще, что в случае с Лизой проталкивать будут не тупую бабищу, а вполне талантливую девицу.

Посидев еще с полчаса, уныло мешая кофе в чашке, отчего он превратился в ужасную коричневую жижицу, я окончательно приуныла.

Единственный шанс у меня вырваться вперед – это совершить какой-нибудь подвиг. Я вздохнула. Если бы сейчас рядом со мной была моя мамочка, она не преминула бы заявить, что в моей голове еще сидит детство. И оказалась бы совершенно права. Я и сама понимала, что все мои обиды и мысли – детские. Но как с ними управиться, скажите на милость? Ты все понимаешь, но эти обиды засели в твоей башке.

– Вот если бы мне подвернулось интересное дело, – мечтательно пробормотала я и уставилась в окно, представляя себе прекрасные картины.

То есть мирному обывателю картины, нарисованные моим воинственным воображением, вряд ли показались бы прекрасными. Поскольку там были горы изуродованных трупов и океаны крови, через которые мудрая, мужественная и проныцательная Саша пробиралась к разгадке. Тем более что в роли предполагаемых жертв или преступников выступали те несчастные, кому так некстати пришло в голову прогуляться перед окном кафе, возле которого я и сидела. Наверное, они и представить себе этого не могли, поскольку прогуливались вполне беззаботно, и моя мрачная физиономия с мечтательной улыбкой их вовсе не интересовала.

Впрочем, нет.

Один тип почему-то уставился в окно кафе с откровенным испугом. На мой взгляд, этот красавчик как никто другой соответствовал образу жертвы, поэтому я, прочтя испуг на его лице, и сама испугалась, не отразилась ли его ужасная участь на моей физиономии? В данный момент я как раз находила красавчика в его собственной квартире, навеки притихшего, поскольку рука убийцы уже нанесла сокрушительный удар...

Я робко улыбнулась ему, но он никак не отреагировал на мою улыбку, продолжая испуганно таращиться мимо меня, внутрь кафе.

Повинуясь любопытству, я обернулась.

В кафе никого не было. Только я да какой-то дяденька интеллигентного вида, в свитере и джинсовой куртке. Так что скорее всего этого самодовольного красавца напугала все-таки я. Дядька сидел спокойно, в глубине, и пил кофе. В окно он даже не смотрел. Я снова обернулась к красавчику, но тот уже уплывал, быстро, как корвет, в сторону оперного театра.

Правда, в его походке больше не было величавой надменности, и вид у него был такой, будто он спасался бегством, — голова втянута в плечи, а спина странно ссутулилась.

Посмотрев на часы, я сообразила, что опаздываю. Через час заявится господин Крашинский и начнет требовать с меня отчет, а у меня этот дурацкий отчет еще не в том состоянии, чтобы порадовать его очи. Поэтому я резко вскочила и на реактивной скорости понеслась в офис.

И, как ни странно, чувствовала я себя теперь намного лучше, чем до этого момента. Неужели правы те психологи, что рекомендуют смотреть идиотские триллеры и «ужастики», утверждая, что симуляция страха бывает весьма полезна для нервной системы?

* * *

Каллистратов провел рукой по лбу. Он смог избавиться от наваждения только сейчас, на ступеньках перед служебным входом.

Наваждение, подумал он. На минуту ему показалось, что мир собирается перевернуться, взорваться, и снова всплыла перед глазами та страшная бледная рука с длинными ногтями. Это твой страх, сказал себе Каллистратов. Не надо даже ходить к психоаналитику Дины, чтобы понять – вот так выглядит твой страх.

– Влад, привет. – Он обернулся на голос и увидел перед собой огромные глаза Нины.

– Привет, – выдавил он улыбку.

Ему не давал покоя силуэт за окном. Сейчас даже Нина казалась ему размытым силуэтом из той же «оперы», что и тот, за окном кафе.

Ты все себе придумываешь, родной, все придумываешь. Ты не мог там никого увидеть, понимаешь?

– Как дела? Ты выглядишь расстроенным...

Голос Нины существовал в каком-то другом пространстве, долетая издалека.

– А?

Каллистратов встrepенулcя.

– Ты плохо выглядишь, – повторила Нина, и на лоб Каллистратова легла ее ручка, такая мягкая, маленькая, нежная... Да и сама Нина была воздушной, как видение. Вот только это видение напоминало ему давно забытую тень. Эти распахнутые глаза, такие невинные, чистые, и – полная незащищенность. И именно от нее, этой незащищенности, Каллистратову становится жутко и хочется убежать в такую даль, где никто

никогда тебя не отыщет!

Спрятаться в родной грязи?

Он усмехнулся.

Да, именно так.

– Что с тобой? – продолжала Нина.

– Все в порядке.

Он поймал маленькую ручку и прижался к ней губами.

Она не отнимала руку. Она наблюдала за ним с детским простодушием и кокетством маленькой девочки.

Господи, да что это со мной? – подумал Каллистратов. – Я скоро буду бояться собственной тени...

Но справиться с собой он не мог. Когда они поднимались по ступенькам и старая дверь со скрипом открылась, он не смог удержаться.

Обернувшись, он вздрогнул.

Ему показалось, он снова видит силуэт того человека из кафе.

Каллистратов боялся отнюдь не собственной тени.

«Впрочем, – усмехнулся он, – ведь это тень тоже моя. Поскольку наши грехи не уходят в прошлое, как покорные овечки. Нет, иногда они воплощаются в зыбкие силуэты, и как бы мы ни старались себя переубедить, это все-таки наши тени. Эта тень тоже моя...»

Тень из его прошлого...

Глава 3

От Крашинского у меня ужасно разболелась голова.

Бывают же такие люди – даже говорят на одной ноте! Полнейший зануда...

Как только за ним закрылась дверь, я с облегчением выдохнула:

– Свобода!

Дашка посмотрела на меня с сочувствием и достала пакетик с растворимой геркулесовой кашкой.

– Есть хочешь? – поинтересовалась она.

Есть я хотела, но не ее кашку. Поэтому я честно попыталась изобразить на своем лице глубокую симпатию к полезному продукту и помотала головой в знак отрицания.

Кажется, отвращение все-таки мелькнуло на моей физиономии, потому что Дашка немного обиженно пробормотала:

– Как знаешь...

Она развела эту отвратительную гадость кипятком и стала ждать.

Дверь хлопнула.

– Явились, – вздохнула Дашка.

На пороге действительно стояли Ларчик и Лиза, и выглядели они жутко уставшими.

– Как Покровск? – поинтересовалась я.

– Ужасно, – призналась Лиза. – Мы ничего там интерес-

ного не обнаружили. Наши халявные баксы, кажется, не получились.

– А я вообще не понимаю, почему ты решила, что этот тип должен находиться именно в Покровске, – проворчал Лариков.

– Я просто видела, как он садился в автобус. И билет он взял, между прочим, до конечной остановки. То есть до центра Покровска.

– Значит, надо было ехать туда вместе с ним.

– Ночью? – вытаращилась гневно Лиза. – Время, между прочим, было двенадцать ночи!

Он ничего ей на это не сказал, только презрительно фыркнул.

Ага, наша парочка начинает ругаться, отметила я про себя. Надо же, а я думала, пасторальная идиллия продлится на века!

Они теперь зловеще молчали, и находиться с ними в одной комнате было еще хуже, чем с занудливым Крашинским.

– «Не стой на пути у высоких чувств», – пропела я. – Может, объясните, что за тип вас так безумно интересовал?

– Да чего теперь о нем говорить! – отмахнулся Лариков. – По Лизиной милости мы его все равно проворонили. Равно как и двести баксов, которые нам совсем бы не помешали!

Лиза вскочила.

– Все! – заявила она. – Я тут больше не работаю! Ты так меня достал, Лариков, что я даже не могу подобрать слов,

как ты мне опротивел!

Она заметалась по комнате, собирая свои мелкие вещички. При этом она попыталась похитить мою любимую зажигалку, но я ухватила за драгоценность рукой.

– Это мое, – сообщила я.

– Господи, мало того, что они тут зануды, они еще и жадные, – пожаловалась Лиза потолку, явно спутав его с небесами.

– Да бери на здоровье, – устыдилась я своей жадности. – Я спичками попользуюсь...

Лиза уже принципиально не пожелала брать мою зажигалку и, чиркнув спичкой, нервно закурила.

– Здесь не курят, – не унимался Лариков.

Вот идиот! Естественно, после этого заявления на примирение надеяться было нельзя.

Лиза круто развернулась и, ни слова не сказав, вылетела из комнаты.

– Ларчик, что это с тобой? – поинтересовалась я. – Захотелось одиночества и свободы?

– Да, захотелось, – отрезал мой босс, давая понять, что не намерен обсуждать свои личные проблемы с подчиненными.

Я пожала плечами.

В конце концов, разговаривать с разъяренным влюбленным так же опасно, как засовывать голову в пасть голодного и недрессированного льва. Подожду-ка я лучших времен. Должны же они когда-нибудь помириться!

– Тамарочка! Добрый вечер, красавица вы моя! А вы все хорошеете!

Тамара встретила неожиданного гостя с некоторой насто-
роженностью.

Прохорова она не видела уже давно. Почти... Ну, да. С
того самого времени.

– Добрый вечер, Леонид Витальевич, – изящно наклонила
она голову в знак приветствия, не переставая наблюдать за
его лицом.

Что его могло сюда привести? Вряд ли дружеские воспо-
минания... Уж чего-чего, а дружбы между ними не было!
Год назад последний раз он стоял, склонив голову, перед гро-
бом Василия, и в его глазах сверкали умело вызванные сле-
зы. Вряд ли так уж он переживал Васькину гибель, скорее
был напуган.

Потому что после того пропал, как ветром его сдуло. И ни
разу больше не появлялся.

Что ж, хотелось спросить ей, опасность миновала?

Он был ей всегда неприятен, а теперь к антипатии приме-
шалось еще чувство опасности – что могло его сюда приве-
сти?

Они сидели в креслах с высокими спинками, а перед ни-
ми, на изящном столике с гнутыми ножками, стояли чашеч-

ки с кофе, тарелка с картиной-пасторалью, на которой были красиво разложены изящные бутербродики-канапе, и фужеры из тонкого стекла, до половины наполненные золотистой жидкостью.

– Как в старые добрые времена... – вальяжно откинувшись на спинку кресла, молвил Прохоров.

Ну, я бы не стала называть те времена добрыми, подумала насмешливо Тамара. Но ничего не сказала, только слегка раздвинула губы в аристократически вежливой улыбке.

– Вы да я, только вот третьего в нашей компании не хватает, – задумчиво продолжал Прохоров.

Фраза-то у тебя, голубчик, получилась двусмысленная и в некотором роде зловещая, снова подумала Тамара. Мертвеца ему в компанию захотелось...

Но она опять удержалась от искушения уколоть его и смолчала.

Только потягивала итальянский вермут, пытаясь сохранить вежливую мину, хотя больше всего ей сейчас хотелось прямо поинтересоваться, что привело сюда Прохорова, который так старательно избегал ее общества весь последний год, будто она стала прокаженной?

– Хватит воспоминаний! – тряхнула она головой. – Лучше расскажи о себе. Как поживаешь? Что поделываешь?

– Снимаю, – сказал он, отчего-то вышло это у него печально.

– Фильмы? – вежливо поинтересовалась Тамара.

– Кабы фильмы, – развел он руками. – Клипы снимаю, рекламные... На одной минутке заработаешь больше, чем на полнометражке...

– Это смотря что снимать за полнометражку, – не удержалась Тамара.

– Нет, Тamarочка, нет! Я с этим завязал! – горячо заявил он, и Тамаре показалось, что в его голосе послышались нотки страха.

Да что это? Неужели и вправду боится даже вспомнить? Тамара усмехнулась.

– Ну, никто тебе и не предлагает, – сказала она. – Ладно, Леня. Давай без экивоков обойдемся. Говори, зачем пришел. А то я уже утомилась вежливость разыгрывать! Что-нибудь случилось?

Он вздохнул и развел руками:

– Ты всю жизнь, Тamarочка, была женщиной умной. Может, потому тебя Василий и ввел в дела свои... Без предрассудков ты была, Тамара!

– Леонид!

Тамара возвела глаза к потолку.

– Все, все... Что-то у меня с нервами не в порядке, Тамара! Человек один меня будто преследует! И я... Боюсь его, Тамара! Сильно боюсь...

Вечер подкрался незаметно.

За делами день всегда пролетает, как ветерок. Даже не успеваешь ощутить течения времени. «Вот так и жизнь пролетит за этими файлами, – подумала я, выключая компьютер. – И прожигать ее не надо. Не успею оглянуться – и мои буйные кудри из рыжих превратятся в седые...»

Если, конечно, мне угрожает старость.

Ларчик до самого конца молчал и сидел с такой хмурой физиономией, что я не выдержала и рассмеялась.

Он сразу поднял на меня глаза и недовольно спросил:

– Что?

– Так, – передернула я плечом. – Ты сейчас похож на задумчивого и печального слона.

– Господи, то я у тебя похож на жирафа, то на слона! Ты хотя бы реши для себя, на кого я похож!

– На обоих, – постановила я.

– На обоих нельзя. Слон толстый, а жираф худой, – поразил он меня своими познаниями в области зоологии.

– Вау! Мне удалось заставить тебя разговаривать! – воскликнула я. – У меня было опасение, что ты дал обет молчания до конца жизни.

– Ну, конечно! Начинается момент женской солидарности! – проворчал он.

– Да ничего подобного, – ответила я. – Просто ужасно интересно, по какому поводу ты так разгневался. Ведь ты не прав!

– В чем? – вытаращился он на меня.

– Ты же не хотел, чтобы она тащилась в Покровск ночью. Зачем тогда начал этот разговор? Ты просто устал и был раздражен. А женщины, ма шер, ненавидят, когда мужчины срывают на них раздражение, вызванное признанием слабости!

– Ух, какие же мы умные и психологичные!

– Сейчас я тоже начну обижаться, – пригрозила я.

Угроза возымела действие.

– Прости, – буркнул он. – Вы слишком тонкие существа...

– Ну, против этого трудно возражать, да я и не собираюсь.

Кстати, что там у вас за тип?

– Так, полная ерунда. Я склонен вообще считать его галлюцинацией этого психа Прохорова... Знаешь этого незадачливого режиссера? Который снял «Смерть на троих»?

– Ой, – вспомнила я. – Это тот занудный триллер?

– Ну да. Больше он, мне кажется, ничего снять не сумел и теперь лепит эти ужасные ролики с «памперсо-сникерсами».

– И что? Его преследуют памперсы?

– Нет, ежедневные прокладки, – фыркнул Лариков. – Вроде бы за ним следит какой-то тип. Не знаю, мы сегодня весь день протаскались за этим Прохоровым и никого не заметили. Начиная с ужасного, пыльного Покровска, между про-

чим! А Елизавета уверяет меня, что вчера она действительно видела типа, который следил за нашим Прохоровым! Мне кажется, она просто влюбилась в него, вот и подыгрывает!

— А мне кажется, что ты ревнуешь, — заметила я. — Вообще очень много развелось параноиков... Все почему-то решили, что за ними следят!

— Не понял. У тебя что, тоже проблемы? Неужели следить стали за Крашинским?

— Нет, — покачала я головой. — Но сегодня меня посетила некая дамочка с ужасной фамилией Дында, и она тоже уверяет, что за ней ходит по пятам странный мужчина, к тому же знаток непонятного языка. Прямо любовные романы какие-то с элементами готики!

— Подожди, как ты сказала? Дында?

— Да.

— В прошлом году убили какого-то Дынду, — задумчиво проговорил Ларчик.

— Это был ее муж.

— Да? Как интересно!

— То есть? — не поняла я его восторга.

— А дело было загадочное, так и не раскрытое. Если ты поговоришь со своим возлюбленным Ванцовым, он тебе больше расскажет. Я знаю мало. Но... В общем, там все было сработано под заказуху. До мелочей. Так талантливо, что все замерли в восхищении. Но убийцу не нашли, хотя у Ванцова были кое-какие соображения на сей счет. Он почему-то был

уверен, что это не заказуха. Он даже подозревал в совершении одного злодеяния его супругу. То есть ту дамочку, которая к тебе обратилась.

– Постой, – оживилась я. – А если этот тип хочет ее шантажировать? Предположим, Ванцов был прав и именно она пришила своего мужа, дабы прибрать к рукам «маленький», по ее выражению, бизнес? А тип в плаще просто-напросто что-то знает и теперь выбрал удобный момент и проявился в пространстве с дурными намерениями?

– Слушай, поговори обо всем этом с Ванцовым, а? Меня и так мутит от этих преследователей! Хотя мне ход твоих рассуждений не показался глупым и бестолковым!

Мне тоже.

Я закурила сигарету и начала разглядывать потолок в поисках мысли. Мои мысли, как бабочки, любят улетать в неведомом направлении, и, так как единственной преградой для их вольных полетов является потолок, я привыкла смотреть именно туда в момент «великого обдумывания проблемы».

Мысль о том, что высокомерная Дында, похожая на барыню из «Муму», убила собственного супруга из материальных соображений, мне, безусловно, понравилась.

Воображение уже представило моему мысленному взору прекрасную картину: Тамара крадется с револьвером наперевес, и вот, когда ее супруг вылезает из «мерса», она целится ему в лоб и...

Стоп!

Нет уж, этот образ слишком изыскан для моей Дындочки!

Скорее всего она наняла киллера. Даже не киллера, а какого-нибудь бомжа, отчаянно нуждающегося в деньгах, чтобы опохмелиться.

А теперь, значит, этот бомж появился и преследует Тамару. Иначе почему бы ей все-таки не обратиться в милицию?

А ведь и правда! Обычно наши нувориши бегут в милицию при первом признаке опасности для их бесценной жизни! А Тамарочка-то не бежит, наоборот – предпочитает связаться с частным детективом, отдать сумасшедшие деньги, которые вся их порода любит пуще жизни, и что из этого вытекает?

Что у нашей Дындочки рыльце в пушку! Значит, версия о том, что именно она угрохала мужа, совсем не такая глупая.

– А ничего история, – сказала я, потягиваясь в кресле. – Не такая уж занудная, как показалась мне на первый взгляд! Пожалуй, завтра я займусь ею посерьезнее, а то сегодня я как-то не уделила ей особого внимания!

За окном уже стемнело.

– Сашка, а как ты думаешь, Лиза сегодня придет домой? – осторожно спросил меня Лариков.

Я закатила глаза и вздохнула.

– Ларчик, ну отчего все влюбленные такие идиоты? – сказала я. – Конечно, она придет. Не станет же она ночевать на улице! И вообще, оставь меня в покое, у меня свои проблемы с Дындой!

– Так рабочий день закончен, можно думать о личном, – окончательно удивил меня мой босс.

– Ты мельчаешь в моих глазах с каждой секундой, – холодно отрезала я. – Кто учил меня, что в нашем деле нет свободных минут?

– Ну... – протянул он задумчиво и весьма неопределенно, разводя руками.

– Ладно, я оставлю тебя на время в блаженном состоянии эйфории, – сказала я. – Когда-нибудь ты очнешься и увидишь, что, кроме твоей Лизы, в мире существует еще очень много людей. У них свои проблемы. В принципе, даже если поверить тебе, что настало время для личных дел, напомним, что мне есть чем заняться. С Пенсом!

С этими словами я натянула куртку и, послав ему воздушный поцелуй, вышла на сладостный зов ожидающего меня возле крыльца мотоцикла, за рулем которого был тот самый Пенс, которому я собиралась посвятить остаток вечера.

* * *

Прохоров вел машину привычно, почти не глядя на пустую дорогу.

Из головы не выходил разговор с Тamarой. Получается, преследуют не только его. Тамара не хотела признаваться в этом, но по ее глазам, в которых мелькнул страх, когда он рассказал ей о странном типе, он понял: с ней происходит

то же самое!

И эта догадка сейчас превращалась в уверенность, а уверенность...

Да уж, черт возьми!

Он крутанул руль. Мимо промчалась на сумасшедшей скорости парочка на мотоцикле.

Прохоров выругался им вслед. Он не знал, то ли он ненавидит молодость, так предательски бросившую его на расклевывание надвигающейся старости, то ли ненавидит жизнь вообще...

Он подъехал к дому.

Остановил машину и вышел. Открыв дверь, он вошел. И застыл на месте.

Несмотря на темноту, царившую в комнатах, он понял: в его квартире кто-то был.

Из глубины комнаты доносились приглушенные звуки музыки, красивой и странной. Впрочем, он ее узнал. А узнав, попытался вернуться, сделал шаг к двери, чтобы рассказать Тамаре, кто этот человек и почему он пришел за ними.

Но он не успел.

Голос за спиной заставил его обернуться. Он не понял фразы, которую произнес этот баритон, и никого не увидел в темноте.

Только боль ослепила его внезапно, как вспышка. Но это длилось лишь одно мгновение. Последнее мгновение боли, еще связывающее его с жизнью.

Глава 4

Мотоцикл недовольно заурчал и затих.

Я сняла шлем и тряхнула головой. Легко перейдя границу, я теперь оказалась в ином измерении моей жизни.

Теперь моя работа была далеко. Она вернется в мыслях, но это позже. Пока я чудесным образом освободилась от нее на несколько часов.

Или несколько мгновений. Зависит обычно от сложности проблемы. Сейчас мадам Дында не казалась мне вероятной носительницей страшной тайны, способной меня сильно заинтересовать. По-этому я не думала о ней.

– Зайдешь? – поинтересовалась я у Пенса.

Он кивнул.

Мы поднялись по лестнице, я открыла дверь.

– Саша?

На пороге кухни стояла мама.

– Привет, – бросила я, стаскивая кроссовки. Единственная обувь, в которой Саша чувствует себя человеком. Интересно, когда я состарюсь, я продолжу таскаться по миру в джинсах и кроссовках?

– Добрый вечер, Галина Михайловна, – выговорил Пенс, глядя на мою мать с обожанием.

– Привет, Сереженька, – ласково ответила ему мама.

Господи, и как я еще не скончалась от ревности?

Мы протопали напрямиком на кухню, и мама постаралась обрушить в наши желудки целую кучу разных вкусностей.

– Ма, я собралась худеть! – взмолилась я. – Эх, нет на тебя нашей Дарьи!

– Ну и слава богу, что нет, – легкомысленно заявила мамочка. – Мне и тебя хватает. Кстати, если ты весь день ничего не ешь и при этом не похудела, значит, ты не сможешь похудеть вообще!

Обезоруживающая логика!

– А я, между прочим, нормально питаюсь, – проворчала я. – Сегодня вот была в кафе...

Черт, лучше бы я не вспоминала! Сразу выстроилась логическая цепочка воспоминаний, ведущая напрямиком к мамам Дынде.

Интересно, что-то она сейчас поделывает? Выглядела она всерьез напуганной, что для такой самоуверенной дамы весьма странно... Испугаться какого-то дяденьку в светлом плаще?

– Саша, ты у нас где?

Голос мамы прорвался сквозь мои мысли.

– Вроде как здесь, – вздохнула я.

– А мне кажется, ты все еще торчишь на работе, – усмехнулась мама. – Ужасно глупо с твоей стороны. Ты прямо японка какая-то!

– Почему японка? – удивилась я.

– Потому что японцы горят на работе. Так и ты – сгоришь

и не заметишь.

— Может, и сгорю, — рассмеялась я. — Ладно, ма, я приняла критику. Я вернулась в уютный домашний мир и пью чай. Вместе с вами.

В чем-то мама права. Моя голова работает постоянно. Даже тогда, когда от нее этого не требуют.

Может быть, поэтому некоторые вещи предстают передо мной в преувеличенном, гипертрофированном виде? Скажем, история той же Тамары Дынды.

Ну, нет! Не дам госпоже Дынде снова завладеть моими мыслями!

В конце концов, даже японцы имеют право на отдых!

* * *

Каллистратов поигрывал брелочком и смотрел на Нину. Вот чем хороши такие девочки, думал Каллистратов, так это наивным восторгом по поводу, например, этой дешевой забегаловки, которая кажется ей самым крутым ночным рестораном...

— Ты так загадочно улыбаешься, — сказала девушка.

Ну, да. Загадочно...

— Тебе это не нравится?

Каллистратов вложил в этот вопрос столько тайных знаков, что любая куда более искушенная девица не смогла бы остаться равнодушной к его голосу. Нина зарделась и опу-

стила глаза.

– Отчего же, – пробормотала она. – Ты мне... очень нравишься!

И тут же сама испугалась признания, забавляя Каллистратова.

– Ах, деточка моя, я бы мог сказать тебе, как я... Но нет! Чего-чего, а изображать «пламенные чувства» Каллистратов умел.

Он замолчал, и его глаза покрылись туманом печали. Начиналось самое приятное – момент игры. Каллистратов получал от этого куда больше наслаждения, чем от остального. Конечно, за все приходится платить, но зачем сейчас об этом думать?

Перед ним наивная девушка, прямо сошедшая с «романтических» страниц, глаза ее направлены на Каллистратова, и бог ты мой, как она смотрит! Конечно, грустно, что чаще всего именно ему выпадает сомнительная честь уводить наивных девиц из мира грез в мир реальности, но кому какая участь уготована, не так ли?

Это будет не скоро. Сейчас они сидят в кафе, и ее рука мирно покоится в его. Он подносит ее ручку к губам.

– Ты не договорил, – тихо напоминает она.

Он молчит.

Не потому, что не хочет продолжать, а потому, что забыл, о чем начинал говорить. Отвлекся. Слишком погрузился в свои мысли.

Опасность быть разоблаченным не слишком его беспокоила – он выкрутится, и все-таки ситуация перестала выглядеть забавной.

– Не хочешь – не надо, – неожиданно пришла ему на помощь сама Ниночка. – К тому же ты прав. Наверное, говорить о чувствах еще рано, да?

Ну, конечно! Он выдохнул с облегчением. Они говорили о чувствах! О чем еще можно было говорить?

– Ни-ноч-ка... Ах, как же ты права! Ты меня совершенно не знаешь...

– Напротив, – серьезно возразила девушка. – Я очень хорошо тебя знаю. Мне о тебе все рассказали...

В душе замерцал огонек тревоги. «Осторожно, опасность!» Ну, конечно, подружки по «маленьким лебедям» уже вволю насплетничались...

– Нина, – начал он тихо. – Я...

Она приложила пальчик к его губам.

– Влад, неужели ты думаешь, я способна поверить сплетням? – прошептала она. – Они могут говорить все, что им заблагорассудится, это никак не повлияет на мои чувства к тебе!

Что-то странное шевельнулось в самой глубине его души.

Он боялся посмотреть в ее глаза, чтобы... Ну, да. Чтобы не стать слабым под действием этой чистоты. Чтобы горькая правда не победила его...

«Что я делаю? – родился в его сознании вопрос, настолько

странный для него, что он даже не прогнал его, застыв от удивления. — Что я делаю и зачем я это делаю?»

— Нина, — хрипло сказал он. — Пойдем. Я провожу тебя до дома...

— Почему? — округлила она глаза. — Впрочем, если ты так хочешь...

— Я не хочу, но... Так надо.

Он поднялся и теперь смотрел в окно, ожидая ее.

Что со мной происходит? Все идет ведь именно так, как должно идти...

Его мысли отказывались ему подчиняться.

Они вышли на ночную улицу, он держал ее руку в своей и быстро шел по направлению к шоссе.

Остановив машину, подождал, пока она туда сядет, потом оглянулся.

Черт!

Он не ожидал ее тут увидеть!

Она стояла, прислонившись к стене, и наблюдала за ними. Оттуда, из тени... Как змея, поджидающая момента, чтобы укусить!

Холодный пот выступил на лбу, он смахнул его ладонью.

— Ты едешь? — спросила Ниночка.

— Да, — решительно сказал он и сел в машину.

Он старался не оборачиваться, чтобы не встретиться с глазами той, которая знала его лучше остальных и поэтому обладала несомненной властью над ним.

Я последнее время ужасно не люблю ночь. Ночью в голову лезут разные идиотские мысли, и еще мне снятся кошмары. Слишком часто они мне снятся, наверное, потому, что это напрямую связано с моей работой.

Но спать все-таки надо, как ни сопротивляйся этому.

Раньше я любила засыпать, грызя яблоко и почитывая какой-нибудь детектив, но теперь я стараюсь читать что-нибудь далекое от мира, в котором мне приходится находиться. Невольно пришлось вернуться к классике, вот и сейчас я лежала, слушая тихонько «Призрак оперы» и читая Теофиля Готье.

От хорошей музыки и хорошей литературы душа понемногу возвращалась в состояние покоя – моя бедная встрепанная душа! Но сейчас она отдыхала, а вместе с ней отдыхала и я.

Глупые люди не уделяют своей душе необходимого внимания, отравляя ее «попсой» самого разного калибра, будь то музыка или чтиво. Но моей-то бедняге и так приходится несладко. Волею хозяйки она то и дело оказывается нос к носу с реальным и жестоким миром, где убийства считаются нормальными и все на свете оценивается в денежном эквиваленте, то есть она, представьте себе, иногда заболевает от этого, а вот следом... Это уж мое открытие. Следом

может заболеть и тело. Так что все взаимосвязано, господа мои, и если вы внезапно разболелись, ищите причину в вашем невнимании к собственной душе! Она у вас, простите, чем-то отравилась!

Ну так вот, прочтя очаровательную новеллу о Даниэле Жобаре, я немного пришла в норму и, выключив свет, осталась наедине с музыкой Эндрю Ллойда Вебера. Закрыв глаза, я стала погружаться в почти безмятежный сон.

Я была воздушной, как шарик, и парила где-то рядом с облаками, и мне было хорошо и сладко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.